

УДК 327:321.01

ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

А.В. Шуклин

Предметом данной статьи является российская цивилизация как целое, задачей — определение ее перспектив в условиях нынешней глобализации. В качестве методологии выбран системный подход.

Ключевые слова: глобализация; межцивилизационная эпоха; цивилизация; субцивилизация.

1

Говоря о глобализационных перспективах российской цивилизации, стоит выяснить, что она будет представлять в будущем в геополитическом и культурно-историческом отношениях. Во многом именно благодаря выбранному курсу внутренней политики формируется то, что может составить конкуренцию в глобализирующейся среде. Модель внутреннего развития российской цивилизации и будет во многом определять ее глобализационные перспективы. В то же время нельзя не учитывать фактор внешнего окружения, среды, глобализационного контекста, стоит принять во внимание, что от внутреннего состояния системы будут зависеть как ее связи и отношения с другими соизмеримыми системами (в данном случае — другими цивилизациями), так и состояние внутри среды. При условии, если данная система будет определять структуру среды, она станет ее конфигуратором. Поэтому система будет зависеть как от собственной внутренней структуры, так и от влияния среды, т.е. тех связей и отношений, которые складываются между другими системами.

Уместно поставить вопрос о корреляции уровня цивилизации и системы международного общения: чем интенсивнее процессы межцивилизационного общения, тем сильнее импульс для их развития. Это придает цивилизациям толчок к развитию: динамизм внешнеполитической жизни неизбежно отражается и на внутренних процессах. Зачастую стремление сохранить свою государственность, а следовательно, развить свои или позаимствовать чужие технологии (как правило, военные) ведет к расшире-

нию внешних контактов, необходимости установления дипломатических отношений с другими участниками мировой политики.

Наиболее очевидными и действенными факторами лидирования в современном мире являются экономика и военная мощь. Как справедливо отметил А. Тойнби, стремление к лидированию в этих областях неизбежно влечет за собой изменения и в других сферах жизни общества [8, с. 130–132]. Образование, политические реформы, социальные институты, культура общества — все это в совокупности оказывает воздействие на развитие всей общественной системы. При этом развитие в рамках традиционного генотипа уже становится проблематичным, так как процессы модернизации способны затронуть не только экономику, как производство и воспроизводство материальных благ, но и культуру, как духовное производство и воспроизводство, нравственные устои и гуманистические ценности общества. Существует опасность того, что модернизация в технологическом плане может привести к архаизации общественной жизни, будет осуществлен возврат к корням, «очищение» нравственных устоев.

Нельзя позиционировать себя в окружающем пространстве, не имея четкой идентификации, представления о том, кто есть ты сам. Но в то же время необходимо принимать во внимание и внешние обстоятельства, влияющие на формирование, развитие и распространение таких представлений. Динамика современной эпохи во многом задается глобализационными процессами, актуализируя проблему выбора новых ориентиров общественного развития.

Сюда же относятся вопросы, касающиеся поиска модели общественного устройства, социально-политической формы организации, экономического уклада и прочих ориентиров развития. В эпоху глобализации происходит выбор жизненных критериев, особенно остро эта проблема стоит там, где они либо не утверждены до конца, либо покоятся на зыбкой основе.

Логика мирового развития в данную эпоху связана с процессом единения, интеграции мира, идентификации цивилизационного развития разных стран и народов. В то же время, продолжается процесс формирования новых контуров региональных цивилизаций, охватывающих группы стран и народов. К причинам локализации некоторых цивилизаций можно отнести то, что различные страны и народы включились в процесс глобализации с различных социально-экономических и культурных позиций, зачастую из разного исторического времени, обладая несовпадающими возможностями и способностями к освоению основополагающих ценностей. А разного рода геополитические разногласия усиливают в социальном преобразовании развивающихся стран роль архаичной политики государственных, национальных и религиозных приоритетов. Отсюда сохраняется и усиливается стремление многих обществ модернизироваться по логике собственных канонів, исторических и национальных традиций, государственности, географической привязанности к природным условиям [5, с. 106–107].

2

В России логика общественного развития всегда задавалась политической властью, которая также играла роль интегративных механизмов, довлея над различными культурами и социальными интеграторами, которые вырабатываются в ходе экзистенциального диалога, органично вызревают в недрах культуры общественной жизни. Процессы политической социализации, которые практически всецело контролируются государством, определяют спектр доступных для выбора идеологических предпочтений, но могут и указывать лишь на одну доктрину, считающуюся единственно верной, приверженность к которой если и можно открыто не декларировать, то подвергать сомнению такую доктрину ни в коем случае нельзя. Поэтому го-

сударство крайне заинтересовано в лояльном, патриотически настроенном населении.

Так, особенностью советского периода было полное обладание государством культурной монополии. Это был единственный институт, который мог ее контролировать, попытки составить конкуренцию государству в этом плане жестко пресекались. Государство также владело монополией над средствами коммуникации, например, печатную машинку нельзя было приобрести без специального разрешения. То же самое относилось и к процессам социализации, которые выполняли функцию не только просвещения, но и воспитания определенного типа гражданина.

Молодая Советская республика достаточно длительный срок не могла выбрать четкую траекторию своего развития, даже репрессии 1937–1938 гг. представлялись как борьба в стане красных между почвенными большевиками и евроцентристами, продиктованная требованиями форсированного развития в крайне нестабильных внутре- и внешнеполитических условиях [3, с. 523]. В результате высылки из страны виднейших ученых-гуманитариев, уничтожения в ходе Гражданской войны и репрессий значительной части высокообразованной и креативной прослойки общества советская власть получила возможность «с нуля» воссоздать внутренний облик граждан, осуществить социализацию, привить соответствующие ценности и идеалы. Несмотря на существование «неофициальных» каналов социализации, таких как семья, культурные нормы определенных социальных групп, традиции, личность подвергалась мощному идеологическому воздействию со стороны государства практически с момента рождения. Этому способствовало бурное развитие средств коммуникации, жестко контролировавшихся со стороны соответствующих политических органов.

Тогда можно было наблюдать создание могущественного государства военно-полицейского типа, построенного на религиозно-мессианской идее, хотя эта новая религия носила абсолютно светский характер. В 1960-е гг. стал заметен отход от идей коммунизма вследствие проведенной глубокой модернизации, урбанизации, европейского образования, раскрытия Западу, усложнения социальных связей. В этот же исторический период, во времена

хрущевской «оттепели» в общественном сознании отчетливее стали проявляться черты индивидуализма, проявления которого подавлялись не только гипертрофированной коллективистской культурой, во многом детерминированной суровыми природно-климатическими условиями, но и государством, следовавшим коллективистскому тренду в угоду политической конъюнктуры и задачам экономического развития.

Советский период развития России получает крайне противоречивые оценки, но здесь очевидна его мессианская составляющая, представление Советского Союза как колыбели мировой революции, стремление к выполнению определенной исторической миссии. Существует также версия, что советский период был формулировкой исторической миссии в терминах Нового времени, модерна [2, с. 163]. Возможно, что при нарастании социально-экономической напряженности в советском обществе и разочаровании интеллигенции и народных масс в декларируемых ценностях стали выработываться альтернативные проекты как политического, так и цивилизационного характера.

Советская цивилизация опиралась больше на национально-державный контекст (может быть, именно поэтому Сталин победил Троцкого), взяв из монархического прошлого вожизм (или, говоря иначе, чрезмерную персонификацию власти), этатизм и манихейство. Но советская цивилизация не была монолитной в культурном плане, различные ее части (или субцивилизации) имели свои историческую память, культурные установки, местные особенности, которые нивелировались четко выстроенной идеологией с едиными для всех ориентирами. Поэтому при сломе советского режима произошла актуализация региональной, этнической и религиозной идентичности, стали разрабатываться собственные культурные и геополитические проекты.

При ослаблении государственной власти начались процессы фрагментации символического пространства, различные регионы, исторически тяготеющие к тем или иным цивилизациям, этноконфессиональные сообщества, различные страты общества с соответствующими политическими установками — все они начали дрейф в самых разных, а зачастую и противоположных направлениях. Многие черты совет-

ской эпохи были переняты современной российской цивилизацией, несмотря на слом политического режима и смену курса экономического развития.

Данная проблема может актуализироваться в современной России, которая во многом похожа на Советский Союз в миниатюре. Но если в СССР имела место быть стройно выстроенная система смысло-жизненных ориентиров, то в сегодняшней России цивилизационное пространство консолидировано лишь политической властью. Кроме того, можно говорить и о том, что современная российская цивилизация переживает этап своего формирования, еще только закладываются основы новой цивилизации.

Это и есть межцивилизационная эпоха, которая выражает переход к качественно иному состоянию общества, констатирует наличие трансформационных процессов в обществе и ставит вопрос о направлении дальнейшего развития. Она предполагает преодоление и отрицание существенных элементов прошлого при отсутствии новых, которые еще находятся на стадии выдвижения, равно как и дальнейшая стратегия развития. Это состояние самоопределения общества и выбора пути, по которому только еще предстоит двигаться [6].

Подобным периодам исторического развития характерны внутренние изменения социума, его структуры, становится актуальным оценка нынешнего состояния и способность генерировать культурно-духовные ориентиры общественного развития. Историческое движение общества может трактоваться как последовательность сменяющих друг друга фаз развития, которые опираются на определенные духовные устои, актуальные в тот или иной период [11, с. 285]. Актуальность тех или иных духовных устоев сегодня во многом задается глобализационным контекстом. Смену подобных фаз развития переживает российская цивилизация, поэтому то, как она преодолет межцивилизационную эпоху, и определит ее глобализационные перспективы.

3

Все глобализационные стратегии России можно свести к нескольким вариантам развития событий, из которых наиболее возможными являются изоляционизм, выработка своей цивилизаци-

онной стратегии и утрата идентичности. Статус-кво, т.е. сохранение нынешнего положения дел, возможно, но лишь непродолжительное время, так как при сохранении текущих тенденций развития России, при отсутствии реальной ее модернизации, неразрывно связанной с гармоничным включением в глобализационные процессы, дестабилизация в стране неизбежна [1].

Анализ прошлого способен дать новую перспективу будущего, что, в свою очередь, становится стимулом интеллектуальной и социальной жизни. Процесс интерпретации никогда не останавливается, интерес при этом фокусируется не на фактологических данных, но на истолковании мира символов, их новом понимании. В результате такой символической реконструкции происходит переосмысление реальности, пересмотр основ. При проведении ревизии в ретроспективе появляется способность создавать перспективу [4]. Но существует и риск ментально остаться в прошлом, взять его как образец, который чаще всего позиционируется как «золотой век» цивилизации. Идеализация прошлого приводит либо к экспансионизму, либо изоляционизму.

Изоляционизм предполагает культурное обособление, лишение связи с другими культурами, прекращение контактов с ними. По сути дела, это будет означать элиминацию, самоустранение из глобализационных процессов, не овладение современностью, но простое ее отторжение, которое в конечном итоге приведет к тому, что Россия лишится возможности нанести на современность свою творческую печать, предоставив это дело другим, автоматически обрекая себя на пассивность и молчание. Изоляционизм сам по себе, уже из собственного названия, предполагает лишение связи с внешним окружением, предотвращение контактов с ним, что, с одной стороны, должно предотвратить влияние извне, но в то же время не позволит и воздействовать на окружающую действительность, выходящую за созданную демаркационную линию автаркии.

Изоляционизм является заведомо проигрышной стратегией, так как он абсолютно неприемлем для России в контексте современного мирового развития. Исторический опыт с убедительностью доказывает, что замкнутое развитие рано или поздно приводит в лучшем слу-

чае к потере конкурентоспособности, а в худшем — утрате фактического либо номинального суверенитета. В эпоху глобализации стратегия изоляционизма может оказаться востребованной разве что в странах третьего мира, по причине отсутствия к ним интереса со стороны мирового сообщества. По этой причине мало кого беспокоят гражданские войны в черной Африке, но вызывают живой интерес и обеспокоенность разного рода социальные всплески и выступления, например, на Ближнем Востоке. Дело в том, что внимание мирового сообщества в наши дни проковывают социально-политические процессы в ключевых регионах планеты, т.е. тех, изменение ситуации в которых может повлиять на изменение ситуации в мире в целом.

Россия не относится к числу тех стран, судьба которых безразлична миру, она, несмотря на внутренние трудности, по-прежнему является важнейшим участником мировой политики. Многие зарубежные аналитики в своих работах уделяют России много внимания, хотя зачастую их исследования носят характер практических рекомендаций по ослаблению российского государства и культурной переориентации ее цивилизационного пространства. Поэтому в условиях глобализации, когда практически весь мир пронизан сетью трубопроводов, оптоволоконных кабелей, путями сообщения и финансовыми потоками, стремление замкнуться в себе и отгородиться от внешнего мира будет означать постепенную утрату своей конкурентоспособности, стагнацию и постепенное движение на спад. Эпоха «железных занавесов» окончательно и бесповоротно ушла в прошлое.

Противоположной стороной изоляционизма являются идеи выработки собственной стратегии, мессианства российской цивилизации, построения империи, заметно расширяющей границы воздействия, что даст возможность создать своеобразный буфер безопасности и увеличит радиус пространства своего воздействия. Проблема в том, на каких принципах должна быть основана стратегия цивилизационного экспансионизма, какие принципы, связи и отношения должны быть заложены в основу ее существования. Необходимо выяснить также, что будет являться ее конфигуратором, определяющим, системообразующим фактором, придающим ей свойство целостности и устойчиво-

сти: будет ли эта определенная идеология, многие десятилетия служившая политическим основанием Советского Союза, этнический либо конфессиональный фактор или же политическая воля, оформленная как цель.

Что касается построения империи на базе политической идеологии, то здесь существуют следующие трудности. После краха социалистической системы посткоммунистические страны столкнулись не только с рядом сложнейших экономических проблем, но также они оказались в полной идеологической растерянности и дезориентированности. В условиях внешней и внутренней нестабильности активно привлекались такие институты, как армия (и силовые структуры вообще), религия, харизма, идея форсированного развития, культура, традиции для поддержки со стороны населения. Во многих из этих государств была, по сути дела, узурпирована власть со стороны авторитарных руководителей, которые зачастую склонялись и в сторону этноцентризма. Все это красноречиво говорит об отсутствии официально проработанной идеологии и лишенности политической деятельности идейного содержания: свободы, миссии, революции.

Создание империи на базе национальной и религиозной принадлежности невозможно вообще по причине сложного полиэтнического и поликонфессионального состава, означающего наличие различных групп населения с различными смысложизненными ориентациями, различной идентификацией, отнесением себя к различным типам цивилизации вообще. Здесь встает проблема раскрытия культурного потенциала кооптированных членов имперского проекта: будут ли ими приняты нормы и стандарты метрополии либо же будут актуализированы исконные ценности. Но в то же время, по утверждению П. Ханна, Россия в определенной степени еще является империей, пока не потеряла контроль над бывшими советскими республиками [9, с. 49].

При этом стоит учесть, что в настоящее время империи (от лат. *imperiū* — власть; государство), представляющие собой монархические государства и имеющие колониальные владения в явном и открытом подчинении, ушли в прошлое. Теперь власть государства может распространяться за его пределы путем силового, финансового и культурного влияния. К

примеру, европейская цивилизация, политическим оформлением которой с некоторыми оговорками можно считать Европейский союз, пытается выстроить четкую и предсказуемую систему, основанную на определенных нормативных действиях и нормативном мышлении, стремится к пополнению рядов своих членов, разделяющих при этом установленные правила политического и экономического взаимодействия [9, с. 54].

Соединенные Штаты Америки, выборочно занимающиеся распространением, а порой и навязыванием своих идеалов и ценностей (главные из них — демократия, частная собственность, рынок), имеют в своем арсенале целый набор транснациональных корпораций, представительства которых в некоторых странах порой обладают большей властью, нежели местные правительства, а также военную мощь, часто используемую в качестве убедительного аргумента.

Китай превращает соседние государства в свои полусуверенные провинции, подчиняя их не с помощью военной силы, а путем активной демографической и экономической интеграции, формируя «большую китайскую сферу процветания». При этом китайская диаспора все чаще становится проводником интересов китайского руководства, отношения с которым строятся на иерархических началах, что говорит о все еще существующих конфуцианских традициях с их культом служения императору. Исламская цивилизация, в которой можно выделить арабскую и персидскую субцивилизации, расширяет сферы своего влияния благодаря распространению идей ислама (зачастую в его радикальных версиях) путем разветвленной сети религиозных миссий, спонсорской поддержки духовных организаций и различных социальных движений, разделяющих их взгляды на проект будущего мироустройства.

Таким образом, цивилизационные центры, которые могут также пониматься и как империи нового типа, востребованы не только как военные сверхдержавы или ведущие экономические силы, но также как и центры создания культурных и социальных образцов. Расширение цивилизационного пространства России будет напрямую зависеть от того, сможет ли оно включить в себя другие цивилизации и субцивилизации. А это, в свою очередь, зависит

от того, будет ли Россия являться ориентиром для каждой из них, сможет ли она удержать в своем пространстве сложную мозаику народов, культур, стилей жизни. В этой связи важно знать, что будет в ней являться консолидирующим фактором, конфигурирующим началом.

Политическая власть сможет помочь в этом деле лишь отчасти, так как существует большой риск образования вакуума между нею и реальной гражданской культурой. Возникает угроза существования двух параллельных, между собой никак не связанных локальных миров, каждый из которых будет жить по своим собственным законам. Соответственно, возникает вопрос, смогут ли они существовать без наличия диалога. Если рассматривать цивилизации как системы, а глобализацию — как их среду, то отсутствие принципа связи, т.е. наличия взаимодействия между элементами системы, делает существование данных элементов в одной системе невозможным. Отсюда следует отсутствие или слабость конфигуратора, упорядочивающего систему, для каждой системы он будет своим, следовательно, каждая из них будет подчиняться своим определенным правилам.

Интегрирующую функцию может выполнить система смыслов, которая обеспечивала бы бесконфликтное существование всех взглядов на жизнь и мироустройство, присущих любой культуре. На базе традиций, которые сегодня актуализируются как никогда прежде, это сделать невозможно в силу их множественности, а порой и несовместимости. В эпоху глобализации, открывающей возможности, казалось бы, неограниченного межкультурного и межкультурного диалога, традиционный фактор начинает выходить на первый план. Такой возврат к корням, собственным культурным истокам С. Хантингтон назвал индигенизацией, подразумевающей под собой мультикультурализм, противостоящий универсализму [10, с. 499–500].

Индигенизация усиливается как раз при контактах с инокультурной средой. Как ни парадоксально, но как раз неограниченные возможности для диалога приводят зачастую к прямо противоположным результатам: культурные, этнические и конфессиональные группы все чаще замыкаются в себе, усиливают свое культурное наследие, что иногда может

проявляться в усилении собственной отличительности, проявления которой могут заметно контрастировать на общем фоне. Наделение себя внешними отличительными атрибутами, знаками особых отличий (стигматами), наряду с культурной принадлежностью, дает четкие основания для идентификации, так как внешние знаки различия еще ярче обозначают границу по линии «мы — они» [7].

Стоит отметить, что влияние и силу цивилизации можно выделить в выражении ее идентичности, отождествлении себя с определенными идеями, воззрениями, отнесения к чему-либо, поскольку формирование контура цивилизации, цивилизационного пространства определяется не только и не столько выбором «подражательной модели» перехода к следующему этапу своего развития под влиянием более «могущественных соседей», сколько и прежде всего под воздействием собственной национально-региональной идеи, идентификации своих собственных национально-культурных альтернатив и приоритетов развития [5, с. 108].

Чрезмерное противопоставление может привести к негативно окрашенной дихотомии, антагонизму и, как следствие, конфликтам. Существуют определенные риски актуализации традиционного потенциала, хотя и возможно его конструирование с помощью манипуляции сознанием, апелляции к истории, использования ангажированных интеллектуалов и прочих методов политической мобилизации.

Завершая разговор о перспективах российской цивилизации в контексте глобализации, которая переживает межкультурный период, скажем следующее. Власть будет придерживаться принципов централизма, пытаясь подавить различные «побочные эффекты глобализации», никак не вписывающиеся в ее глобализационную перспективу. Будет оставлено пространство для дискурса (кстати, здесь вполне уместным говорить о модулируемом дискурсе) тех идейных течений, которые могут быть управляемыми и которые с определенными оговорками можно будет вписать в контекст политических целей. Равно как будут и те, с которыми диалог будет крайне затруднен либо вообще невозможен в той мере, в какой они будут допускать некоторое наличие или полное отторжение существующей политической власти. Ряд последних идейных кон-

структов пополняют концепции наподобие религиозного фундаментализма, либерализма, анархизма.

В эпоху глобализации их невозможно просто запретить по причине легкого доступа к первоисточникам, поиска и обращения к единомышленникам и т.д. Несмотря на централизацию, культура будет фрагментарной, значит, продолжат существовать локальные субцивилизации в рамках одной страны. Нивелировать различия между ними вряд ли удастся по причине как гетерогенности по ряду параметров, так и нахождения данных субцивилизаций в пограничной, буферной, зоне других цивилизаций. Наличие в стране языковой и этнической разобщенности потенциально может привести к тому, что Россия, подобно Римской империи, рискует превратиться в конгломерат различных народов и культур, объединяемых лишь политическим режимом.

Россия сможет сохраниться как поликультурная цивилизация, если ее организующим началом будет власть (российская цивилизация является властечцентричной цивилизацией), в основу организации которой будет положен принцип диалога. Единство сможет определяться лишь системой общих принципов, ценностей, высшим уровнем общественного сознания, т.е. идеологией, которая должна органично сочетаться со многими отличными друг от друга автономиями.

Список литературы

1. *Антипьев А.Г.* Препятствие на пути модернизации «архаичного» российского общества // Вестн. Перм. ун-та. 2010. №3. Сер. Философия. Психология. Социология. С.96–103.
2. *Дугин А.Г.* Проект «Евразия». М.: Эксмо, 2004.
3. *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. От начала до Великой Победы. Харьков: Клуб семейного досуга, 2007.
4. *Кассирер Э.* Техника современных политических мифов // Вестн. МГУ. Сер. Философия. 1990. №2. С.54–69.
5. *Мельник В.И.* Цивилизованность как мера развития индивида и общества. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999.
6. *Павлов А.В.* Взаимопонимание в контексте российского межцивилизационного периода // Вестн. ТюмГУ. №1. 1999. С.16–28.
7. *Русакова О.Ф.* Ментальный дизайн как функция PR-дискурса // Дискурсология: методология, теория, практика: докл. Второй Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Жана Бодрийера. 21 ноября — 14 декабря 2007 г. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2007. Т.2. Вып.6. С.145–148.
8. *Тойнби А.Дж.* Цивилизации перед судом истории: пер. с англ. 2-е изд. М.: Айрис-пресс, 2003.
9. *Ханна П.* Второй мир / Центр исследований постиндустриального общества; вступ. статья В.Л. Иноземцева. М.: Европа, 2010.
10. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций: пер. с англ. М.: АСТ, 2006.
11. *Штомпка П.* Социология социальных изменений: пер. с англ. / под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996.

GLOBAL PERSPECTIVES OF THE RUSSIAN CIVILIZATION

Andrey V. Shuklin

Tyumen State University; 10, Semakov str., Tyumen, 625003, Russia

The subject of this article is the Russian civilization on the whole, the objective — to determinate its perspectives in the globalizing world. A systematic approach is chosen as the methodology.

Key words: globalization; intercivilizational epoch; civilization; subcivilization.